

A close-up, profile view of a woman with short, dark, curly hair that is wet and dripping with rain. Her skin is also wet, with water streaming down her face and neck. She is looking off to the right with a serene expression. The background is a soft-focus scene of rain falling against a bright, circular light source, possibly the sun or moon, creating a dreamy atmosphere.

Альберт Горошко

Остратис

Альберт Горошко

Остратис

«Автор»

2015

Горошко А. Г.

Остратис / А. Г. Горошко — «Автор», 2015

Исторический туризм стал реальностью, такой же, как и машина времени. Но, кроме многочисленных туристов и ученых, в прошлое проникают авантюристы, мечтающие изменить будущее. Эпоха Митридата Евпатора - время надежд эллинистической цивилизации в борьбе с ненавистным и ненасытным Римом. Повесть расширяет жанровые рамки исторической фантастики, предлагая не просто приключение, а философское размышление о природе времени и человеческой природы.

© Горошко А. Г., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Остратис

Глава

I

– Подумайте, чем вы рискуете. Есть же безопасные направления – Рим, Афины. Зачем, скажите, вам этот экстрим? – отговаривал оператор агентства “Тайм-Аут”. – Мы неспроста закрыли Палестину, понимаете? Да, все хотят лично убедиться в воскресении Иисуса. Мы показали это. Но вспомните, скольких корреспондентов потеряли наши Службы Массовой Осведомленности! Вам же подавай Митридатовы войны! Ну кто, скажите, гарантирует вашу безопасность?

Я смотрел на блик от фотонного синтезатора, сверкавший на вспотевшей макушке агента, и понимал, что он всего лишь набивает цену, ведь современный страховой сервис может все – достать вас из жерла Везувия, вытащить из потоков серы над Мёртвым морем, вынести из-под стен Трои. А что касается тихой Тавриды эпохи Митридата Эвергета – это для него – не более чем разговоры, а для меня – очередная страшилка. Конечно, я не стал менять выбранное направление.

– Историческое решение! – усмехнулся оператор и поменял цвет своих линз с лимонно-желтого на изумрудный. Фейс-сканер снял копию моей мимической карты, и банк данных Tourist Union пополнился новым клиентом. Контракт предусматривал полное восстановление личности в случае непредвиденных обстоятельств. Меня эти обстоятельства не сильно беспокоили, неприятно было то, что страховка съедала половину стоимости путевки. Но бизнес есть бизнес, и скидка не распространялась на эту статью расходов.

Мне закачали несколько гигов справочной литературы, которая должна помочь новичку адаптироваться к незнакомым условиям.

– Мы просим вас серьезно отнестись к подготовке – это не просто отдых под пальмой, – предупредил оператор, оросив кристаллизатором вспотевшую лысину. Я помог стряхнуть похожие на кристаллики сахара остатки криогеля с его головы. Оператор посетовал:

– Ах, эти сервисники! Направлял заявку еще на прошлой неделе, до сих пор не могут поменять термостат!

Реклама делала свое дело, но еще лучше работало старое доброе сарафанное кибер-общение. Все завидовали и забивали ячейку очередного счастливчика, только что вернувшегося из своего путешествия. Что только ни рассказывал он о совершенной поездке – но еще удивительнее были отклики в чате. Сетевые пауки раздувались от красноречия, накручивая свои рейтинги.

Через пару дней я получил сообщение о том, что мою психофизиологическую диаграмму утвердила комиссия по адаптации. Это означало, что я допущен к перемещению. Я ликовал – моя мечта, наконец, сбудется, я все увижу сам. Конечно, я не первый, но, как говорится, лучше один раз пощупать. Оставалась одна маленькая формальность – я должен был подписать документ, некоторые выдержки из которого привожу ниже:

“Правила нахождения в историческом прошлом:

Период посещения является неотъемлемой частью исторического прошлого.

Перемещенному запрещается:

- освобождать рабов
- предпринимать несогласованные с местной администрацией путешествия
- внушать либеральные идеи

- порочить установившийся строй
- поднимать восстания
- побуждать коренное население к миграциям в лучшие географические области и исторические эпохи
- оставлять технологические артефакты
- увозить исторические артефакты
- создавать предметы искусства
- вступать в интимные отношения со свободными гражданами
- вести научную деятельность, способную подорвать устоявшийся и общепринятый курс развития науки”.

Я впервые видел столько ограничений на одном листе бумаги. Это был прекрасный образчик канувшей в лету бюрократической писанины, от которой наше просвещенное сообщество отказалось полвека назад. И что же? Стоило приоткрыть завесу в прошлое, как забытые призраки показали снова свои унылые лица.

Я вопросительно посмотрел на оператора.

– Что смотрите? Подписывайте, пустая формальность. Никто не будет за вами следить, – его роговицы теперь сияли, как два сапфира. – Это инициатива принимающей стороны, мы должны играть по их правилам. Главное – не впутывайтесь в сомнительные истории. Вам же легче будет и дешевле.

Последний аргумент меня убедил, и я поставил большой палец левой руки на сканер отпечатков на его груди.

II

Это не был обычный транспортер. Первое, что бросилось в глаза – его кузов.

– Как же он движется? – спросил я пилота, подключавшего гравитайм к тайм-навигатору (мы в детстве возились с игрушечными машинами времени и отлично знали принципы гравидинамики). Этот агрегат отличался от всех известных мне прототипов. Пилот-механик посмотрел на меня так, как обычно смотрят пилоты-механики на пассажиров – снисходительно и слегка покровительственно. На его экране появилась принципиальная схема устройства и описание алгоритма работы. Шрифт был мелкий, и я быстро утомился, читая.

– Да, шагнула техника! – проговорил я и похлопал механика по холодному матовому плечу.

Я летел не один. В нашу группу попали такие же, как я, счастливички, сумевшие совместить свой рабочий график с условиями спецпредложения.

– Вы не читали про новые находки в Этрурии? – спросил пожилой пассажир с подвижным лицом сидящего рядом сонного господина.

– Я еду не за этим. Не историк, – лениво ответил тот и вынул из внутреннего кармана блестящую плоскую коробочку. Щелкнула крышка, из-под нее веером развернулась стопка карточек. – Я юрист.

Историк взял старомодную визитку.

– А я думал, что это уже прошлый век.

– У нас так принято. Вы зря удивляетесь. Очень удобно. Дайте ваш сканер.

Пока юрист неторопливо демонстрировал и объяснял историку все преимущества своей карточки, я пытался уклониться от расспросов четвертого пассажира. Его интересовало, куда я лечу и зачем. Обычный разговор попутчиков, только чтобы скоротать время, меня не привлекал. Я повторял про себя древнегреческую грамматику. Кто был этот четвертый и зачем

он ехал с нами, я узнал позже, в самом конце своего путешествия. Путь в прошлое занял не так много линейного времени. Всего за сто десять минут запуска, разгона и останова гравитайма мы перенеслись в эпоху развитого, как говорили в конце двадцатого века, рабовладения, правда, в двадцатом веке это был, все-таки, развитой социализм.

Нас ждала гостеприимная Таврика, а точнее, Боспор. Митридат Евпатор еще был юн и не столь воинственен, и небольшое причерноморское государство вело сытую торговую жизнь. Никому в голову не приходило развязать с могущественным Римом войну, которая впоследствии измотала и самого Евпатора, и его страну. Римляне проводили разумную и эффективную политику *divide et impera** и мирно выкачивали ресурсы своих пока еще добрых соседей.

Историк и юрист попрощались со мной у подножия храма Аполлона, в прохладе колоннады которого отдыхали городские бродяги. Мой третий попутчик, поведение которого все больше соответствовало прозвищу “сыщик”, куда-то улизнул, едва мы сошли со сходней нашего корабля. Именно корабля, взявшего нас на борт на Фанагорийском рейде. Это было специальное карантинное судно, которое предназначалось для подготовки путешественников к высадке на берег. Здесь мы получили соответствующие погоде и времени года одежды, самые необходимые в быту вещи, сдали на хранение все ненужное, что могло бы помешать насладиться растворением в выбранной эпохе. Однако я наотрез отказался от “легких и удобных”, как уверял приставленный ко мне слуга, сандалий на деревянной подошве, а серую льняную накидку, которая должна была укрывать мое тело от палящего южного солнца, надел прямо на дорожный костюм, подпоясав широким кожаным ремнем с огромной, тяжелой пряжкой. Свой чемодан на пневмослипе я поменял на плетеный берестяной короб с двумя лямками, нагрузил его личными вещами и отдал слуге.

III

Меня сопровождал Фистус – подвижный малый с наголо обритой головой, облаченный в сильно потрепанную, огромных размеров тогу, в складках которой разве что не водились скорпионы. Его медная лысина блестела на солнце, и я удивлялся, как он мог выдерживать такую жару, не нося головного убора. Он объяснил, что рабам не положено покрывать голову в присутствии господ. После того, как я получил в порту по моей путевке несколько золотых, две стопки серебряных и пару пригоршней медных монет с рельефом царя Перисада, мы отправились в город.

Услышав звон денег в моем увесистом кошельке, надоедливо болтавшемся на поясе, Фистус оживился.

– Господину будет угодно отведать превосходного местного вина с великолепными дарами Посейдона?

Говорил он по-гречески, как мне показалось, со странным акцентом – но я понял каждое его слово. Все-таки изучать древний язык по современным учебникам – такая же сложная задача, как рисовать картину со слов зрителя, ее рассматривающего. Я попробовал изъясниться с ним на его языке. Фистус кивнул, хитро подмигнул и ослабил ужасный, неопрятный рот.

Мы остановились у небольшой таверны с черепичной крышей под тенью векового платана.

– Уютный уголок! – заметил я, и малый снова обрадовался. Я сунул ему монету, и он исчез внутри.

Через минуту я был подхвачен под руки и отведен в прохладную залу в подвале таверны. Масляные светильники чадили, испуская чудеснейший аромат. Меня возложили на низкую скамью из можжевелевого дерева, устланную нежным руном. В одной стене был устроен грот,

освещенный двумя факелами, в трепещущем свете которых медленно двигался в танце тонкий силуэт рабыни. Подавал на стол важный, как запеченный сазан, повар, у которого я и заказал это самое блюдо, вспомнив все то небольшое, что осталось из рыбного меню в нашей, богатой синтез-белком современной пищевой индустрии. В путеводителях не рекомендовали пробовать морепродукты местного улова и пить вино, и я подумал, что стоит последовать их мудрым советам. Но меня уверяли, что сазан был выловлен в пресноватых водах Меотского моря. Ну а к рыбе полагалось белое вино, и здесь я не нашелся, что возразить на предложение выпить янтарного напитка, благоухавшего, как чайная роза. Все, что было дальше, я помнил отрывочно. Острые клешни омара, извивающиеся руки танцовщицы, разбитая тарелка уксуса, кутерьма в голове, красное лицо эскулапа, державшего за шиворот моего замарашку-экскурсовода. В себя я пришел утром, лежа у окна с видом на пролив. Дородный врачеватель разложил на столе свои снадобья в мешочках, в одном из которых что-то шевелилось. Лекарь посмотрел на меня и, как фокусник, достал из живого мешочка голенастого кузнечика, ловко оторвал у него лапки и положил в ступку.

Когда тот захрустел под глиняным пестиком, меня стошнило в великолепное блюдо аланской чеканки.

– Хвала богам, мой дорогой клиент, ты освободился от скверны. Теперь выпей этот раствор и спи.

Он протянул мне чашу с белесой жидкостью. Я неохотно выпил что-то похожее на подсолненный мел, лег на бок и стал с грустью смотреть на спокойные воды пролива.

IV

Через день я был на ногах. Отказавшись от услуг брадобрея, я обработал лицо эпи-гелем, смыл его остатки вместе с трехдневной щетиной. Я посмотрел на его странный инструмент в виде полукруглого бронзового скребка и предложил ему свое средство.

– Какое замечательное снадобье, – хмуро отозвался слуга, выдавив из тюбика небольшое количество на тыльную сторону ладони. Стерев его, он долго рассматривал чистое от волос пятнышко.

– Так я могу остаться без работы, – заключил он и вернул тюбик.

– Не беспокойтесь, у меня это последний, – заверил я.

Я наконец сумел выбраться в полис, чтоб осмотреть интересовавшие меня каменоломни Пантикапея. Мой новый гид Остратис был полной противоположностью неряшливого Фистуса, который исчез куда-то и больше не появлялся. Во-первых, он был юн – просто воплощение девственности – высокий, совсем еще детский голос, чистая одежда, аккуратные выющиеся светлые волосы, расчесанные на прямой пробор, красивое, немного бледное лицо, большие светло-карие глаза с длинными, густыми ресницами. Но при всей его хрупкой, подростковой комплекции Остратис держался прямо, почти гордо, хотя и был тих, и, как мне показалось, застенчив в общении со мной.

Катакомбы славились на всю округу своим легким и прочным камнем. Я мечтал проникнуть сюда, чтобы раскрыть тайну Золотого Грота, о котором вычитал в статье археолога П-нского, сумевшего расшифровать свиток жреца Матрактиса. В легендарном гроте якобы таились сокровища вождей Скифии со времен царя Натрака, безуспешно разыскиваемые в течение многих веков, но даже сам Митридат не смог его отыскать. Зато здесь были открыты подземные кладовые с превосходным строительным камнем.

П-нский указывал в своей монографии примерные координаты пещеры, однако не имел возможности проверить на практике свои выводы. В те времена еще не умели “спрессовывать”

время. Его работу забыли, но я получил уникальную возможность подтвердить результаты трудов П-нского. Читатель знает, что в наши дни наука стала сугубо частным делом, так как все теоретические вопросы были решены, и решения эти нуждались только в практической проверке. Генеральная Академия Наук выдавала патенты на проведение тех или иных опытов, но не выделяла ни бита финансирования – то есть информационно-материальной поддержки. Так я за свой счет оказался в группе тавристов, к которой присоединился по льготной путевке. Но вернемся назад к моему путешествию.

Мимо усыпальницы скифских царей пролегла сложенная из плоских валунов дорога, ведущая в каменоломни. Я следовал за Остратисом, который держался правой стороны, предупреждая меня о приближении повозок, везущих добытый камень в гавань, где его переправляли на другой берег пролива для строительства Фанагорийской цитадели.

Вход в подземелье охраняли двенадцать латников, красных, как вареные раки. Солнце заходило за гору ближе к вечеру, и ни один выступ у ее южного склона не имел тени в полдень. Потому здесь и был вырыт вход, чтобы передавать солнечный свет как можно дальше внутрь посредством отполированных серебряных зеркал, расположенных под углом друг к другу. Сразу за входом огромная увешанная зеркалами зала имела несколько ниш и проходов, освещенных уже факелами. Мимо нас сновали телеги и сменявшие друг друга каменотесы. Нам показали путь. Остратис шел со светильником впереди. Я нес маленький садок с канарейкой, обреченной, в случае опасности, погибнуть первой в удушливом мраке пещер. Я ориентировался по схеме, взятой из книги П-нского, и подсказывал Остратису направление.

– Какой необычный пергамент! – удивился он, глядя на тонкий белый лист моего флекси-планшета.

– Это совсем не пергамент, потом я тебе покажу, как он работает, – пообещал я ему.

Остратис часто оборачивался, проверяя, как ведет себя птичка. Та сидела тихо на своей жердочке и только вертела клювом.

– Стоп, здесь должен быть проход в стене, – я поставил клетку на пол и стал ощупывать стену.

Никаких признаков наличия двери – ни шевелящихся камней, ни тайных кнопок и рычагов я не обнаружил. Остратис с любопытством наблюдал за мной и, наконец, подошел и звонко хлопнул в ладоши.

V

Внутри стены что-то щелкнуло, заскрежетало, и я увидел, как в шаге от него в стене образовался небольшой проем. Щит, искусно подделанный под камень, был убран стоявшим внутри рабом. Мы шагнули в проход и стали спускаться вниз по выбитым в породе ступеням. Здесь факелов не было, и коридор освещали масляные светильники, установленные на расстоянии трех-четырёх шагов. Постоянно спотыкаясь, мы спускались четверть часа, пока не уткнулись в тупик. Я кивнул моему спутнику, давай, мол, хлопай, но тот спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.